

Лу Пин, конечно, думал добавить Гу Цзицина в общий чат общежития. Однако, поговорив с ним и разложив события последних дней по полочкам, осознал: они банально недопоняли Чжоу Цыбая.

Чжоу Цыбай всё так же панически боялся геев и вовсе не поддавался никаким «чарам» Гу Цзицина. Он просто чувствовал вину за прежнее недоразумение, отчего и заставил себя сменить гнев на милость.

Разобравшись в ситуации, Лу Пин решил пока не добавлять Гу Цзицина в основной чат — лучше сначала дождаться, пока отношения между парнями окончательно потеплеют, иначе не избежать неловкости. Для порядка он даже создал отдельную беседу на троих, назвав её «игровым чатом», куда пригласил Гу Цзицина и Чэнь Ци.

«И где в этом мире найдётся ещё столь чуткий и понимающий сожитель?!» — мысленно восторгался собой Лу Пин, пока Чжоу Цыбай пребывал в полном неведении.

«Гу-Гу, ты только не бери в голову, — подбадривал он Гу Цзицина с искренним пылом. — Наш Четвёртый хоть и травмирован гееми, да и вид у него вечно неприступный, на деле парень честный и чистый душевно. Пообщаетесь подольше — гарантирую, станете друзьями! Может, устроим вечером небольшой сабантуйчик на третьем этаже столовой „Сад персиков и слив“? И тебя с новосельем поздравим, и контакт наладим!»

Лу Пин фонтанировал таким рвением, что Гу Цзицин просто не нашёл причин для отказа.

— Значит, вечером я опять ужинаю в гордом одиночестве? — фыркнул Ся Цяо. — Ладно, так и быть. Раз уж твои новые соседи вроде ничего, прощаю им похищение Гу Цзицина. Вечером рвану к Боссу Шэню.

Договорив, он с удвоенным азартом принялся размазывать краску по холсту.

Гу Цзицин восседал за соседним мольбертом. Лениво делая точные мазки, он ненароком попросил:

— Кстати, спроси у Шэнь-гэ, не сможет ли он присмотреть за Чжоучжоу какое-то время.

— За Чжоучжоу? — Ся Цяо отвлёкся и повернулся к нему.

В общежитии Цинда держать животных строго запрещалось, а Гу Цзицин пока не съехал. Шэнь Чжао уже снимал трёхкомнатную квартиру, так что просьба выглядела вполне логичной.

Но ведь Чжоучжоу остался в Наньу?

Гу Цзицин обмакнул кисть в маслянистую смесь:

— Мама собиралась в Пекин на выходные, заодно и привезёт.

— Зачем это твоей матери в Пекин?

— У брата тут какой-то банкет, — с абсолютным равнодушием отозвался Гу Цзицин. — Она хочет, чтобы я пошёл с ними.

— Чтобы ты пошёл с ними?!

Ся Цяо мгновенно почувствовал подвох.

И не прогадал. Гу Цзицин буднично добавил:

— У её партнёра сын тоже учится в Цинда.

— Да она издевается?! — мгновенно вспыхнул Ся Цяо. — Опять хочет, чтобы ты изображал семейную идиллию и пел оды тому, какой Гу Цзюэ великодушный да успешный?! Я не понимаю! Тебе каждый раз тошно на этих сборищах, зачем она тебя тащит? Кто из вас вообще ей родной сын?!

— В жизни не видел такой матери, которая родного ребёнка задвигает на задворки, лишь бы выслужиться перед пасынком! — с чувством отрезал Ся Цяо, в сердцах отставляя мольберт. Писать дальше у него отпало всякое желание.

О детстве и юности Гу Цзицина он знал слишком много — они ведь и познакомились в детской художественной студии. Преподаватель души в них обоих не чаял, называя самыми одарёнными учениками: у Ся Цяо было феноменальное чувство цвета, а Гу Цзицин поражал глубиной передаваемых эмоций.

Но в средней школе Гу Цзицин внезапно бросил живопись.

Ся Цяо тогда подумал, будто всё дело в блестящих оценках по общеобразовательным предметам — мол, родители и школа решили не трогать потенциал золотого медалиста на искусство. Лишь случайно подслушав разговор Цзицина с матерью, он осознал жуткую правду. Гу Цзицин пошёл в студию только за компанию с Гу Цзюэ, ведь старая госпожа Гу была известной художницей, и все потомки семьи Гу, даже неродные, обязаны были обучаться живописи.

Вот только если пасынок начинал блекнуть на фоне одарённого «неродного» ребёнка, правила игры резко менялись.

От этих воспоминаний Ся Цяо обдало волной злости и обиды:

— Продолжи ты писать, давно бы утёр нос этой старой перечнице и прославил их семейку по-настоящему! А из-за того, что Гу Цзюэ оказался бездарностью, твой талант просто закопали в землю! И с танцами то же самое! Делали вид, будто учишься с троюродной сестрой на равных, а на деле тебя приставили к ней как няньку. Сбросила она туфли — и про твои занятия никто больше не вспомнил. Твоя мать вообще воспринимает тебя как человека?! Хоть раз подумала о твоих чувствах?!

— Слушай, переезжай к нам и становись сыном моих родителей! — продолжал кипятиться Ся Цяо, уже всерьёз прикидывая юридическую сторону усыновления почти двадцатилетнего парня. — Моя мама от тебя всё равно в восторге.

Гу Цзицин лишь слегка изогнул губы в улыбке:

— Твоя мама, вообще-то, прочила меня тебе в парни. Ты согласен?

— Вот ещё! — не задумываясь, отрезал Ся Цяо. — Я ниже тебя ростом и защитить не смогу. Какой из меня парень? Тебе нужен кто-то из семьи побогаче и повлиятельнее этих Гу. Высокий, красивый, мужественный преданный пёс с пунктиком на спасении невинных! Вот тогда ты наконец перестанешь терпеть их выкрутасы!

Ся Цяо расписал образ идеального избранника во всех подробностях.

Гу Цзицин находит его запал милым, но всерьёз не воспринял. Кисть в его пальцах продолжала выводить ленивые штрихи:

— Повлиятельнее семейства Гу, высокий, красивый, да ещё и мужественный преданный пёс... С чего бы такому становиться моим парнем?

Он произнёс это самым естественным тоном.

Ся Цяо аж рот раскрыл:

— Ты ещё спрашиваешь «с чего бы»?!

Гу Цзицин обернулся. Его взгляд был абсолютно спокоен, словно он искренне не понимал бурной реакции друга.

Ся Цяо безнадежно вздохнул.

«Ладно. То, что этот человек понятия не имеет о собственной привлекательности — факт общеизвестный».

Он хмуро уткнулся в холст, продолжая с досадой тыкать в него кистью:

— И всё равно мне обидно за тебя. У тебя ведь такой талант...

Детство и юность Гу Цзицина действительно прошли в освоении кучи навыков. Причина была проста: стать идеальным компаньоном для капризных барчуков семейства Гу. Если он нравился им и их родителям, жизнь Инь Лань в этом доме становилась хоть немного терпимее.

Впрочем, сам Гу Цзицин никогда не придавал этому особого значения. Когда всё даётся легко, перестаёшь видеть в своих успехах что-то изрядно выдающееся.

— Ладно тебе, не кипятись. Я и не собирался становиться художником. Математику я всегда любил куда больше живописи, — попытался утешить друга Гу Цзицин.

Ся Цяо, с детства ненавидевший точные науки, уставился на него с еще большим ужасом — будто перед ним стоял классовый враг.

Гу Цзицин, не заметив этого взгляда, неспешно пояснил:

— Математика — простейшая вещь в мире. Она лишь описывает определённую нашу бытия. Её логика объективна и вечна, а деление на правильное и неправильное предельно прозрачно. Это куда проще, чем писать картины.

Живопись требовала слишком глубокого эмоционального погружения. А он привык ни к чему не привязываться, и вытаскивать из себя чувства было для него слишком изнурительным занятием.

Поставив последнюю точку, Гу Цзицин бросил взгляд на Ся Цяо, у которого на лице застыло немое «ничего не понял, но очень впечатлён», и мягко улыбнулся:

— Картина пока постоит у тебя. Заберу через пару дней, когда подсохнет.

— А? О, хорошо.

Ся Цяо наконец перевёл взгляд на холст.

Вся плоскость была заполнена влажными, размытыми оттенками серого, а в самом центре высился тонкий, острый чёрный конус. От полотна веяло одиночеством, отчуждением и ещё

чем-то невыразимым.

— Это ты башню изобразил? — похлопал ресницами Ся Цяо.

— Можно и так сказать.

Гу Цзицин откинулся на спинку стула, какое-то время молча разглядывал работу, а затем достал телефон и сделал снимок.

Когда Гу Цзицин вышел из мастерской Ся Цяо, Лу Пин уже прислал точный адрес. Столовая «Сад персиков и слив» находилась неподалёку от общежития, так что он дошёл туда пешком.

Прибыв на место, Гу Цзицин обнаружил за столом ещё и Ван Цюаня.

Увидев его, Ван Цюань восторженно замахал телефоном:

— Красавец наш! Иди сюда! Самое лучшее место тебе приберегли!

«Самое лучшее место» располагалось аккурат между Ван Цюанем и Лу Пином: спиной к стене, подальше от дверей и сквозняков, в самом тепле. А прямо напротив сидел Чжоу Цыбай, уткнувшийся в стакан с водой.

Стоило Гу Цзицину сесть, как Ван Цюань тут же открыл Вэйсинь:

— Красавец, тут один мой кореш от тебя просто без ума. Как увидел твою фотку, так двадцать три часа в сутки выносит мне мозг — дай да дай твой контакт! Ты глянь на него, если приглянется — добавь, пообщаетесь.

К подобным ситуациям Гу Цзицин давно привык. Обычно он соглашался принять запрос, а затем вежливо и деликатно откатывал назад, не заставляя посредника чувствовать себя неловко.

Поэтому он спокойно ответил:

— Хорошо, скинь карточку.

Едва слова слетели с его губ, раздался звонкий «бум».

Все подняли головы и увидели, как Чжоу Цыбай с мрачным видом грохнул стакан на стол. Выглядел он так, будто его только что глубоко оскорбили.

«Это ещё что за муха его укусила?»

Четверо парней, только что разглядывавших фотографию ухажёра, хором уставились на Чжоу Цыбая, хлопая глазами.

Повисла короткая пауза.

А затем до всех одновременно дошло.

Чжоу Цыбай же панически боится геев!

Ван Цюань тут же попытался сгладить углы:

— Да ладно тебе, Директор Чжоу! На дворе какой век? Давай мыслить прогрессивнее, проявлять широту взглядов, толерантность и уважение к чужим вкусам!

Чжоу Цыбай сдвинул брови:

— Я вообще ничего не сказал.

Лу Пин, Ван Цюань и Чэнь Цзи переглянулись.

Да, не сказал. Но атмосфера вокруг него стала тяжелее свинца.

Впрочем, детские психологические травмы за один день не лечатся. Стало быть, налаживание добрососедских отношений — задача первостепенной важности.

Лу Пин мысленно похвалил себя за предусмотрительность (как хорошо, что не добавил Гу Цзицина в общий чат!), а затем крепко задумался, как сблизить этих двоих.

И тут на телефон Гу Цзицина пришло сообщение.

[Ся Цяо]: *Ой, Гу-Гу, совсем забыл! На следующей неделе моей маме делают операцию, я уезжаю домой. Ты не мог бы подменить меня на волонтерской акции в приюте для бездомных собак? А то у них народа не хватает.*

Лу Пин сидел рядом, и его острый глаз случайно зацепил текст на экране. Его озарила

гениальная мысль:

— О, Гу-Гу! Ты на следующей неделе тоже идёшь волонтерить к бездомным собачкам?!

Гу Цзицин и Чжоу Цыбай одновременно подняли головы.

Лу Пин тут же включил сводника:

— Гу-Гу, ты ведь в первый раз на эту акцию? Не переживай! Наш Сяо Чжоу ходит туда ещё с первого курса! Если что непонятно — спрашивай у него напрямую. Можете даже вместе поехать, правда, Четвёртый?

Сказав это, Лу Пин отчаянно замигал Чжоу Цыбаю, всем видом семафора: «Будь дружелюбнее к новому соседу!».

Чжоу Цыбай молча сглотнул. Особой необходимости он не видел, но... в целом, почему бы и нет?

Свирепо сделав одолжение, он уткнулся в телефон и открыл сканер кодов:

— Ладно. Добавь пока...

— Да нет, я с первого семестра регулярно туда хожу, так что опыт есть, — не дав ему договорить, произнёс Гу Цзицин. Он неспешно набивал ответ в телефоне, не поднимая головы.
— К тому же со мной пойдёт знакомый старшекурсник, так что всё в порядке.

Затем он поднял взгляд на Чжоу Цыбая и слегка моргнул:

— Ты что-то говорил про «добавь»?

Чжоу Цыбай, застывший с открытым сканером Вэйсиня: «...»

Через три секунды экран его телефона погас.

— Ничего. Я имел в виду — добавь себе ещё комплект приборов.

— А, хорошо. Спасибо.

Гу Цзицин не заметил абсолютно ничего подвоха. Впрочем, как и остальные.

Лишь Лу Пин продолжал печься о дружбе в коллективе. Позже, за едой, он снова закинул удочку:

— Раз уж вы оба в следующие выходные заняты волонтерством, давайте в пятницу вечером рванём на хот-пот? А потом в компьютерный клуб — засядем в LOL на всю ночь! А?

На этот раз Гу Цзицин мягко отказался первым:

— В пятницу вечером я приглашён на банкет по случаю дня рождения. Вряд ли получится.

Чжоу Цыбай тоже опустил голову:

— Мне в пятницу нужно домой.

— Эх... — разочарованно протянул Лу Пин, но тут же упрямо уточнил: — Гу-Гу, а где будет банкет?

— В жилом комплексе «Пекинский Номер Один».

Глаза Лу Пина мгновенно вспыхнули:

— Вот это совпадение! Семья Четвёртого как раз там и живёт! Скинь ему точную локацию в Вэйсине, он тебя в пятницу подбросит. И на такси тратиться не придётся, и безопасно!

Чжоу Цыбай, которого снова распределили без его ведома: «...»

У его деда в пятницу как раз восьмидесятилетний юбилей. Неужели...

Стоп, о чём он вообще думает? Какое отношение банкет его деда может иметь к обычному студенту вроде Гу Цзицина?

Но подвезти человека — дело нехитрое. Нельзя же пренебрегать элементарным этикетом.

С этой мыслью Чжоу Цыбай снова с невозмутимым видом достал телефон:

— Ладно. Скинь адрес...

— Не стоит, за мной приедет машина. Не хочу никого обременять, — как всегда чутко и деликатно открестился Гу Цзицин.

Чжоу Цыбай с каменным лицом снова погасил экран.

Обед прошёл весьма шумно и весело для всех, кроме Чжоу Цыбая. И только в самом конце выяснилось, что Гу Цзицин давно за всё заплатил.

— Ну ты даёшь, Гу-Гу! Мы же устраивали праздник в твою честь, как ты мог тайно расплатиться?! Надо было трясти Четвёртого! Мы в нашей комнате всегда за его счёт едим! Наследие проклятых буржуев надо эксплуатировать, иначе как потом смотреть в глаза трудовому народу?!

Лу Пин и Чэнь Цзи выпалили это с абсолютно невозмутимыми лицами, ни капли не смущаясь сомнительности своих доводов.

Чжоу Цыбай даже знать не хотел этих двоих. Он поднялся, натянул капюшон и уже собрался уходить, как услышал голос Ван Цюаня:

— Не, так не пойдёт. В первый раз вместе обедаем — и ты платишь? Неудобно. Давайте скинемся. Сколько с меня? Скину на Вэйсинь.

— Ага, давайте поровну. Я тоже переведу.

— О, Гу-Гу, у тебя аватарка изменилась! Это туча?

— Кажется, башня.

— Да какая разница, всё равно красиво!

Лу Пин и Чэнь Цзи один за другим перевели деньги.

Чжоу Цыбай, который отродясь не дебил счета поровну и привык угощать сам, после короткой паузы замер, повернулся и, поджав губы, неловко проговорил Гу Цзицину:

— Я тоже скину свою часть.

— А, хорошо.

На этот раз Гу Цзицин наконец открыл QR-код и протянул телефон Чжоу Цыбаю.

Пасмурное лицо Чжоу Цыбая слегка прояснилось. Он открыл сканер, считал код и подтвердил операцию.

На экране всплыло окно:

«Оплата получателю [Суан, 96 юаней]»

Оплата прошла.

Возврат на главный экран.

И... больше ничего.

Это был всего лишь обычный код для приёма платежей.

Чжоу Цыбай: «...»

В этот момент Ван Цюань громко окликнул:

— Эй, Четвёртый! Слыхал, тут неподалёку новый компьютерный клуб открыли? Погнали вечером?

— Не пойду, — буркнул Чжоу Цыбай и круто повернулся на каблуках.

Шедший следом Лу Пин продолжал делиться с Чэнь Цзи своими любовными переживаниями из поездки:

— Старик Чэнь, ты у нас опытный, подскажи: почему девчонка на турбазе так классно со мной общалась, а после возвращения ни в какую не даёт Вэйсинь?

Чэнь Цзи усмехнулся:

— А то ты не знаешь. На поводке тебя держит. Дала бы сразу — ты бы сейчас весь день сучил ножками и думал о ней? Вот это и есть высокий класс.

«Да кто весь день сучит ножками и думает о ком-то?!»

«И с чего вдруг сразу „на поводке“?!»

«Может, человек просто вылетел из головы или закрутился?»

«К тому же это всего лишь Вэйсинь. Не дала — значит, не было необходимости. Появится необходимость — сама даст».

«Зачем усложнять?»

И вообще, из-за какого-то контакте весь день изводиться... Лу Пину точно делать нечего.

Несмотря на не до конца зажившую лодыжку, Чжоу Цыбай никого ждать не стал. Он сунул руки в карманы и, насупившись, на предельной скорости припустил к общежитию.

В кармане зазвонил телефон. Он раздосадованно вытащил его, глянул на экран — и пальцы мгновенно одеревенели.

[Суан просит добавить вас в друзья]

[Заметка: Лу Пин и остальные говорят, что ты отлично играешь на ПК. Сыграем вечером?]

На аватарке заявителя красовались влажные, размытые оттенки серого, а среди туч возвышалась тонкая, одинокая башня.

Чжоу Цыбай не знал, кто автор картины, но с первого же взгляда почувствовал острое, почти физическое ощущение одиночества и отчуждённости. А под этой отчуждённостью угадывалась глубокая, запятанная тоска.

Словно в этой башне заточена одинокая принцесса, которая изо дня в день безнадежно ждёт своего героя, пока сама надежда не погребёт её под обломками.

В это мгновение сердце Чжоу Цыбая пропустило удар.

В следующий миг он сплеховал: вспыхнув до кончиков ушей, судорожно ткнул «Принять» и, даже не успев заблокировать экран, впопыхах запихнул телефон обратно в карман. Натянул капюшон поглубже и прибавил ходу.

Заметив смену в настроении Чжоу Цыбая, Гу Цзичин озадаченно изогнул бровь. Ему показалось, будто парень расстроился из-за того, что друзья весь день крутились вокруг нового соседа и обделили его вниманием.

«Почему у него опять уши красные?»

«Всё ещё дуется?»

«Вроде раньше Чжоу Цыбай не был таким капризным...»

Пока он размышлял, телефон в руке вибрировал. Гу Цзицин опустил взгляд.

[White]: Я принял ваш запрос на добавление в друзья. Теперь мы можем начать чат.

[White]: Угу-угу~ (^з^)~ Ля-ля-ля~

Гу Цзицин медленно напечатал в ответ вопросительный знак: «?»

У Чжоу Цыбая в Вэйсине всегда такой милый стиль общения?

<http://bllate.org/book/20143/1992108>